

Процессуальное мышление А. Н. Уайтхеда и философия русского космизма

Д. В. Бучнев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Бучнев Д. В. Процессуальное мышление А. Н. Уайтхеда и философия русского космизма // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 384–400. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.125>

В настоящей статье предпринимается попытка истолкования философии русского космизма естественно-научного направления с точки зрения процессуального мышления (process thought). В качестве наиболее разработанного варианта данной стратегии мышления берется философия процесса А. Н. Уайтхеда. Ряд ключевых концептов философии процесса, которые рассматриваются в статье: новизна, событие, организм, эмоциональный опыт, схватывание, сращение чувств — позволяет очертить контуры его метафизики. В ходе сравнительного анализа философии А. Н. Уайтхеда с идеями русских космистов на примере работ А. Л. Чижевского, К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского обнаруживается мировоззренческая, концептуальная и терминологическая близость космистов к философии процесса, а значит, и к процессуальной стратегии мышления. Рассматривается поэтическое и научное наследие А. Л. Чижевского в качестве выдающегося примера холистического мировоззрения и органицистской установки по отношению к сущему. Для К. Э. Циолковского центральными оказываются идеи панпсихизма, объединения и сообщества. Наконец, показывается, что В. И. Вернадский в своих работах уделяет пристальное внимание философским основаниям работы ученого-натуралиста и, в отличие от других космистов, напрямую обращается к философии процесса А. Н. Уайтхеда. В результате исследования выясняется, что такие черты процессуального мышления, как органицизм, экологически ориентированное мировоззрение, встраивание человека в логику природы, приоритет сообществ, связей и отношений над отдельным и индивидуальным, онтология холистического (космического) видения реальности, панпсихизм и эстетизация космологического процесса позволяют отнести естественно-научное направление русского космизма к разновидности процессуального способа мысли.

Ключевые слова: процессуальное мышление, А. Н. Уайтхед, русский космизм, организм, А. Л. Чижевский, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский.

Обращаясь к русской философии, читатель зачастую отмечает ее литературоцентричность, религиозный характер, историософское проблемное поле, антропологическую направленность. Однако в первой половине XX в. в русскоязычном интеллектуальном пространстве от-

четливо выделяется философское течение, для которого характерны научная ориентированность, онтологизм и «космическая», а не антропологическая точка зрения на природу реальности. Речь идет о русском космизме, а именно о его естественно-научной ветви, которая образована работами Чижевского, Циолковского и Вернадского и других мыслителей. Более того, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что для данных космистов характерна особая, «процессуальная» стратегия мышления. С перспективы процессуальной философии их идеи получают оригинальное истолкование и представляются с новой стороны.

В западной философии XX в. квинтэссенцией процессуального типа мышления выступает философия процесса Альфреда Норта Уайтхеда (1861–1947). Истоками его философии являются первый философ процесса Гераклит, Платон, в особенности его диалог «Тимей», ряд философов Нового времени, английские поэты-романтики В. Вордсворт и П. Шелли, философия А. Бергсона и У. Джеймса, а также современная Уайтхеду физика. Таким образом, процессуальное мышление не ограничивается лишь философией процесса.

В русской философии также обнаруживаются мыслители процессуального толка. В частности, перед автором стоит задача продемонстрировать черты процессуального типа мышления в философии космизма. Не вызывает сомнений, что в метафизической системе А. Н. Уайтхеда данный образ мысли представлен в наиболее полном, связанном и разработанном виде. Поэтому оправданно принять философию процесса за образец и в соответствии с ним попытаться интерпретировать идеи представителей естественно-научного космизма с целью продемонстрировать их процессуальный характер. Обилие обнаруженных сходств и соответствий между философией Уайтхеда и положениями космистов удивляет тем, что русскоязычная среда того времени, за некоторым исключением (Вернадский), не была знакома с работами Уайтхеда. Тем самым оправданно говорить о коэволюции философской мысли Уайтхеда и космистов, тем более что активный период их философского творчества (1920–1930-е гг.) совпадает.

Рассмотрим общие для Уайтхеда и космистов мировоззренческие границы и интенции творчества. Эти как бы пунктиром обозначенные рамки формируют тот идейный контекст, из которого вызревает и философия процесса Уайтхеда, и естественно-научный космизм.

Процессуальное мышление и философия процесса, как самое сильное его воплощение, суть попытка концептуального отражения упрямого факта процессуальности вселенной, выражения взаимосвязи уровней сущего в ней, единства и целостности вселенной (холизм), выявления ее эстетической ценности. Подобный взгляд на вселенную не

нов: еще для досократиков мир — не хаос, но космос, т. е. гармоничное и упорядоченное единство с известной степенью красоты; благообразно устроенное целое. Согласно «Тимею» Платона, космос устроен гармонично и органично и является живым существом. В своих взглядах и философских построениях Уайтхед во многом опирается на данный диалог. Он разделяет греческое понимание космоса. В философии процесса, так же как и в космизме, вселенная рассматривается как упорядоченное сплетение бесчисленного множества организмов. В сущности, вселенная — это организм высшего порядка: для Платона, Уайтхеда, других процессуальных мыслителей, в частности для Хартсхорна [1] а также для космистов, это общее место, их топос. Изолированных процессов и организмов не существует. Неудивительно, что иное обозначение для философии процесса Уайтхеда — философия организма.

Вспомним, что мировоззренческой предпосылкой науки и философии Нового времени (Декарт) является такое отношение человека к природе, при котором природа рассматривается как противостоящий человеку объект, и объект онтологически чуждый; постулируется жесткая демаркация, дуализм человека и природы. Это приводит к тому, что, с одной стороны, человек воспринимается как существо исключительное и привилегированное (мышление как высшая ценность), а с другой — природа и космос в целом могут быть подвержены безжалостной и безграничной эксплуатации. Иначе быть и не может, ведь природа, исходя из данного мировоззрения, лишена жизни, чувства и ценности, а человек не только непосредственно с ней не связан, но, напротив, фактически исключен из ее состава как уникальное, самобытное мыслящее существо.

Для процессуального мышления такой взгляд в корне неверен. Платон, поэты-романтики, Джеймс, Бергсон, Смэтс с его холистической концепцией, собственно Уайтхед и в большинстве своем космисты придерживаются радикально иного взгляда. В основе процессуального мышления лежит мировоззрение эоцентрическое; природа понимается в ее античном смысле, как органический процесс созидания и разрушения, а не в нововременном смысле, как кусок подлежащей сознанию бесчувственной материи; превалирует интуиция связности, а не разрозненности; стираются жесткие и непроходимые границы между уровнями и видами сущего; живое сближается с неживым; устанавливаются новые связи, изыскивается глубинная онтологическая основа для взаимодействия различных сущих. Человек не исключается из природного порядка, а, напротив, вписывается в него; он представляет собой закономерную и неотъемлемую часть жизни космоса; в онтологическом отношении он лишается своего привиле-

гированного статуса; процессуальное мышление ниспровергает антропоцентризм нововременного, механистического и редуccionистского мировоззрения.

На этом фоне искомая принадлежность космистов к процессуальному типу мыслителей подтверждается следующей их характеристикой. Проект космистов — это «своеобразная антитеза классической физикалистской парадигме мышления, основанной на жестком разграничении человека и природы. В нем была предпринята попытка возродить онтологию целостного видения, органично соединяющего человека и космос» [2, с. 13]. В связи с этим отметим еще одну важнейшую особенность процессуального типа мышления, которая опять-таки объединяет Уайтхеда и космистов: проблемы философской антропологии в данном интеллектуальном поле отходят на второй план, тогда как основное внимание уделяется онтологическим вопросам. Именно процессуальная онтология, космология и экология играют в нем ведущую роль, а антропологические изыскания подчиняются и опираются на выводы о характере и устройстве вселенной. Микрокосм человека уникален, но является продолжением природы.

Обозначив общие черты, особенности и предпосылки процессуального мышления, детализируем его, обратившись теперь к основным идеям философии процесса Уайтхеда. В сжатом виде они могут быть представлены рядом следующих положений.

Философия процесса указывает на примат процесса и становления над вечным неподвижным бытием. Актуально, полно и конкретно существуют только процессы, тогда как вечные и неизменные объекты — будь то качества, ценности или идеалы — существуют лишь потенциально, являясь возможностями для актуализации в процессе становления. «Реальность есть процесс» [3, с. 130].

Вселенная представляет собой множество таких процессов, которые Уайтхед называет событиями. Простейшее событие — это происшествие опыта (*occasion of experience*), или актуальное происшествие. Из них и состоит мир [4, р. 18]. Упорядочиваясь, происшествия опыта образуют привычные нашему глазу вещи. И падение метеорита, и встреча двух людей, а также растение, стул или камень являются событиями. Устойчивые физические объекты, которые мы привыкли считать статичным скоплением вещества, на деле являются протекающими событиями опыта, просто происходящими медленно и постепенно. Секрет их стабильности — в устойчивом повторении одного и того же паттерна, в минимальной новизне. Органические события, напротив, меняются быстрее, но и своей стабильностью рискуют значительно больше.

Опыт всегда субъективен [4, p. 23]. Однако Уайтхед не приписывает субъективность сложным «неорганическим вещам»: субъективность случается (*occur*) в мельчайших атомарных событиях и может далее координироваться в живых организмах.

Со своей субъективной стороны события стремятся к новизне [4, p. 21]. Событие — это опыт новизны, и он заметно различается у низко- и высокоорганизованных событий. Чем организованнее, со-общеннее действуют события, тем больше удовлетворения (*satisfaction*) от опыта они получают, и тем больший вклад в опыт Вселенной они вносят. Самые организованные события — это организмы живых существ, так как у них существует центр координации, и цели мельчайших событий интегрируются в общую цель [4, p. 106–107].

Простейшие события (например, атом) также называются организмами, поскольку ведут себя схожим образом: они меняются в зависимости от среды, в которой оказываются. Абсолютного разрыва между живым и неживым в философии процесса не проводится [4, p. 102], так же как и жесткой границы между организмами. Окружающий наблюдателя мир — это мир организмов-событий, «субстанцией» которых является опыт. Чтобы существовать, организму необходима окружающая среда, которая будет укрывать и защищать его. Среда эта состоит из других организмов. Поэтому организмы по определению должны взаимодействовать друг с другом, а не пребывать в изоляции. Таким образом, событие опыта и заключается во взаимодействии организмов. Уникальный опыт пересечения, схватывания, взаимопроникновения, взаимопереплетения и составляет «сущность» того, что называется событием [4, p. 20]. События стремятся организоваться в более сложные структуры и совместности (*togetherness*) с внутренним порядком. Особые структурированные события Уайтхед называет сообществами: например, человеческое тело, это сообщество подчиненных организмов. Сообщества иерархичны и могут быть различного уровня сложности [4, p. 99–100].

Первичный, фундаментальный опыт события — эмоциональный. Природа события — чувственная [4, p. 116]. Событие — это переплетение эмоций, сращение чувств. Сказать, что вещь *обладает* чувствами, — неточно: вещи, организмы (т. е. события) и *есть* чувства [4, p. 41, 51]. Сознание не обязательно должно сопровождать чувства. Сознание — это одна из многих субъективных форм опыта, которая лишь изредка вспыхивает в скоординированном сообществе событий опыта.

Чувствование и схватывание, а вовсе не мышление — вот базовый способ взаимодействия между событиями. Событие (организм) — это монада, точка сборки прошлого всей Вселенной. Прошлое не исчезает,

но творчески эволюционирует. Задача любого события — согласовать и интерпретировать эмоциональные данные, т. е. неизбежную фактичность прошлых событий, которую оно ассимилирует. В этой «добавке» согласования, в возможном примирении фактов прошлого и превращении его в контрасты, в поддержании интенсивности чувств и заключается творческий вклад события в эстетическую гармонию Вселенной [4, p. 100]. Таким образом, каждое событие достигает уникальной внутренней ценности [3, с. 146]. В первую очередь оно ценно само по себе, а его инструментальная ценность — вторична.

Событие не замыкается в себе. Оно выводится за собственные пределы творческим беспокойством и влечением к новизне. Его творческую тягу и возможность стать новым, иным по отношению к себе, обеспечивает «субстанция» реальности — творчество (creativity), а также фигура Бога. Именно Бог [4, p. 88, 105] выталкивает событие из достигнутого состояния, из паралича пассивности на низком уровне совершенства, к активному, рискованному несовершенству, но уже более высокого порядка, с тем чтобы событие, обогащенное новым опытом, вновь гармонизировало свои чувства. Событие стремится стать новым микрокосмом и в смысле целостности и упорядоченности, и в смысле обретения эстетической гармонии.

Общей чертой Уайтхеда и ученых-космистов является тот факт, что они эмпирики и деятели науки. Их онтология носит реалистический характер, и при исследовании проблемы жизни, организменных сообществ, взаимосвязи человека и космоса особое внимание уделяется осмыслению научных достижений [2, с. 14].

Александр Леонидович Чижевский (1897–1964) — выдающийся биофизик, один из основоположников космической экологии, космобиологии, гелиобиологии; мыслитель, поэт и художник. Пожалуй, нигде мировоззрение и мироощущение человека не может быть выражено чище и ярче, чем в поэзии. Холистическое видение космоса вообще характерно для русских космистов, но у Чижевского в его стихотворении «К Гиппократу» оно воплощено с присущей поэзии краткостью и эмоциональностью:

Для нас едино — все: и в малом, и в большом.
Кровь общая течет по жилам всей Вселенной...
Мы дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир сосредоточен...
И жизнь повсюду, жизнь в материи самой,

В глубинах вещества от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая.

Помимо холизма, на поверхности здесь лежит и благоговейно-религиозное чувство перед жизнью и космосом. Мыслитель захвачен оживотворенностью во Вселенной, общностью его созданий, всеобщим процессом борьбы с ригидностью старых форм (активный эволюционизм), который не ограничивается органическими структурами. Эти строки, в сущности, гимн экологического мировоззрения, взаимодействия, активности и поглощенности жизнью.

Чижевский выходит за рамки абстракций своей научной области. Сферу интеллекта он уравнивает развитым эстетическим вкусом. В качестве поэта и художника он переживает и выражает как уникальную ценность конкретной вещи, так и эстетическую гармонию мирового целого. Заметим, что эстетическое развитие, уравнивающее специализированный интеллект, — одна из важнейших предпосылок социального прогресса, согласно Уайтхеду. С этой точки зрения Чижевский является образцовой личностью. Он прекрасно понимал и согласился бы с Уайтхедом, что «вы можете знать все о Солнце, все об атмосфере, все о вращении Земли, однако вы можете не заметить великолепие солнечного заката» [3, с. 262]. Атрофия чувства красоты и «безнадежная слепота... по отношению к роли эстетики» [3, с. 266] в жизни сообщества может оказаться фатальной для человечества.

Наряду с поэзией, процессуальным мышлением пронизаны также научные и философские труды Чижевского. Обостренное чувство жизни и собственного организма [5], а также холистическое мировоззрение помогли мыслителю сосредоточить свое внимание на тех аспектах и связях в природе, которые до него либо выпадали из поля зрения ученых, либо были недостаточно изучены.

Диссертация «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» (1918) и работа «Физические факторы исторического процесса» (1924) являются первыми научными трудами Чижевского. Ядром его исследований в качестве основателя космобиологии явилась теория гелиотараксии, согласно которой «состояние предрасположения человеческих масс есть функция энергетической деятельности Солнца» [5]. Иными словами, вспышки агрессии, индивидуальное и групповое девиантное поведение, доходящее до войн и революций, а также эпидемии приходятся на периоды особенной солнечной активности. С определенной периодичностью максимальная активность Солнца все на

Земле приводит в «возмущение»: от неорганической природы и вирусов до крупных животных и человека.

В книге «Земное эхо солнечных бурь» (1937) мы встречаем следующие философские положения. Чижевский свидетельствует о распространении в науках о природе холистической и космической перспективы, однако «наука о живом организме и его проявлениях пока еще чужда расцвету этой уникальной идеи единства всего живого со всем мирозданием» [5, с. 318]. Но, по Чижевскому, нельзя изучить организм в отрыве от космотеллургической среды. «Живое связано со всей окружающей природой миллионами невидимых, неуловимых связей — оно связано с атомами природы всеми атомами своего существа» [5, с. 318]. Как мы видим, Чижевский не ограничивает среду организма его ближайшим окружением. Он расширяет ее до космического масштаба. Процессы на Земле зависят от космических факторов и не замыкаются на себе. Более того, солнечные и космические излучения «являются главнейшими источниками энергии, оживляющей поверхностные слои земного шара... великолепие полярных сияний, цветение розы, творческая работа, мысль — все это проявление лучистой энергии Солнца» [5, с. 321]. Жизнь — явление космическое, а не земное, и «каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца — этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца и планет» [5, с. 324].

Родина человека — не Земля, а космические просторы [5, с. 319]. Наука должна принять во внимание космическую активность и отказаться от идеи автономности и независимости жизни организмов от среды. Заметим, что, несмотря на вдохновение и трепет перед природой, Чижевский не обходится без общей для русских космистов естественно-научного направления идеи преобразования природы, ее творческого улучшения. Здесь имеет место причудливое сочетание античного (созерцательного) и нововременного понимания природы как объекта преобразования. Человек призван изучить строгую гармонию природы с тем, чтобы бороться с ее разрушительными для человека стихийными силами, а также с силами скрытыми, в частности, с вирусами и с эпидемиями [5, с. 326].

Еще в юности Чижевский переступил порог дома другого гениального мыслителя-космиста К. Э. Циолковского и стал его верным другом. Рассмотрим черты процессуального мышления в его творчестве, сделав предварительные замечания.

Одной из задач процессуального мыслителя является демонстрация взаимозависимости и имманентности процессов в природе, ее непрерывности. На этом пути ведется борьба против дуализма суб-

станций и проведения жестких границ между видами сущего. Уайтхед размещает все процессы на единой шкале — шкале событий, на которой человек занимает одну из позиций. Простейшие события также располагаются на ней. Во избежание дуализма он указывает «тождественные элементы, связывающие человеческий опыт с физической наукой» [6, с. 586]. Такими элементами оказываются чувства, эмоциональная энергия [6, с. 587], лежащая в основании всякого события. Камень — это сгусток смутных, примитивных эмоций, а человек — координированный организм с более сложными чувствами, лишь малая доля которых, однако, сопровождается сознанием. С этой точки зрения процессуальная философия выстраивает монистический вариант онтологии.

Далее, жесткие границы между организмами — это грубая абстракция ума. Невозможно точно определить, где кончается тело одного события, и начинается тело другого. Например, человеческое тело «состоит из упорядоченного функционирования миллиардов молекул. Они принадлежат структурной сущности тела неопределенным числом способов. Тело вновь и вновь теряет и вбирает молекулы... не существует определенной границы, чтобы установить, где кончается внешний мир и начинается тело» [7, р. 80–81], мир внутренний.

Наконец, не существует абсолютного разрыва между живыми и неживыми организмами. Можно быть более или менее живым процессом, но непроходимой границы между жизнью и не-жизнью нет. Более того, каждое событие, по Уайтхеду, диполярно [4, р. 45], т. е. обладает физическим и психическим (ментальным) аспектом. Фундаментальность чувственного опыта, отсутствие разрыва между живым и неживым, а также постулирование ментальной стороны события любого уровня — вот те характеристики, вследствие которых философию процесса относят к разновидности панпсихизма. Уайтхед соглашался [8, р. 354] с такой характеристикой, но с существенной оговоркой: да, актуальные события смутно ощущают (чувствуют) другие активности. Но это вовсе не предполагает того, что все сущее обладает высшим типом души или самостью, т. е. способностью осознавать свой опыт.

Сознание — лишь изредка встречающаяся субъективная форма чувства. Но именно благодаря сознанию и развитой психической организации человечество способно ускорить эволюцию природы. Выдающегося человека отличает устремление «вперед к новым приключениям воображения, предвосхищающим физические приключения исследования. Возникает мир мечты, с тем, чтобы в соответствующий момент дать толчок к действию» [6, с. 684]. *Константин Эдуардович Циолковский* (1857–1935) — пример подлинного мечтателя; гений, предвос-

хитивший будущее космонавтики. Фантастический бросок его мысли подготовил реальные космические путешествия.

На первый взгляд, философские идеи Циолковского далеки от интересующего нас способа мышления: он причисляет себя к последователям Ньютона и не принимает физической революции XX в. Его сравнения вызывающе картезианские: «В физике, химии и биологии я вижу одну механику. Весь космос — только бесконечно сложный механизм... Я — чистейший материалист» [9, с. 30]. Все тела состоят из атомов.

Не стоит, однако, воспринимать эти строки слишком буквально. Циолковский отличается парадоксальным колебанием между старым, ньютоновским взглядом на реальность, и новой, организменной перспективой. Однако фактически преобладает именно второй, т. е. организменно-процессуальный взгляд. В одной великой личности механик-изобретатель сталкивается с философом-космистом, отстаивающим единство мира, его организменный и панпсихистский характер.

Действительно, программную работу «Монизм вселенной» (1925) Циолковский открывает утверждением об атомах и собственном материализме. Но спустя несколько строк перед нами уже органицист, который объясняет тела космоса не механически, но органически и трактует космос как организм [9, с. 30]. Более того, даже атом — это своего рода организм, обладающий чувствительностью. Мыслитель настаивает, что «всякая частица материи отзывчива и чувствительна... из известных нам животных чувствительнее всех человек. Остальные известные животные тем менее чувствительны, чем ниже их организация. Растения чувствительны еще менее. Это — непрерывная лестница. Она не кончается и на границе животной материи, потому что *этой границы нет* (курсив мой. — Д. Б.). Она искусственна, как и все границы» [9, с. 30]. Циолковский «не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей Вселенной» [9, с. 32]. Вселенная и ее части живы [10, с. 360]. Человек описывает свои чувства, может о них сообщить, «неорганический (же) мир... ничего о себе не в силах сообщить, но это еще не означает, что он не обладает низшей формой чувствительности» [9, с. 31].

К такому выводу мыслитель приходит исходя из рассуждений, которые фактически повторяют ход рассуждений Уайтхеда. Если мы хотим обосновать монизм вселенной и избежать дуализма субстанций, необходимо найти такую основу, которая объединяла бы организмы. Общим элементом оказывается чувствительность. Различие здесь в том, что для Уайтхеда организм — это и *есть* сращение чувств, в то время как для «органического атомиста» Циолковского атом *обладает* чувствительностью в качестве свойства, а не основы. Но в обоих случа-

ях философы схожим образом отстаивают монизм Вселенной, пролонгируя человеческий опыт.

Чувствительность атома относительно его «приключений» [9, с. 53]. Степень его жизни и чувств, а также поведение зависят от того организма, во власть которого он попадает. «Каждая частица вещества живет по-разному, в зависимости от окружающих и влияющих на нее частиц» [10, с. 360]. «Когда атом, например, проникает в мозг человека, то он охватывается вибрациями и бомбардировкой электронов сложного организма... атом отзывается на деятельность мозга» [11, с. 86], его состояние изменяется. «Мыслит мозг, но чувствуют атомы, его составляющие. Разрушен мозг — исчезло напряженное чувство атомов, заменившееся ощущением небытия, близким к нулю» [9, с. 41]. Конечно, дело не ограничивается мозгом: атом может путешествовать от органа к органу, от тела к телу, т. е. от состояния — к состоянию. Логика мысли здесь та же, что и в философии процесса Уайтхеда: порядок и организация целого подчиняет и интенсифицирует чувствительность своих частей; характер организма зависит от среды, в которую он попадает [4, р. 110].

Все непрерывно обменивается атомами, «периодически перемещается и преобразуется» [9, с. 40], чувствует и стремится к единству. При внимательном изучении оказывается, что вселенная состоит не только из индивидов, но индивиды образуют разноуровневые сообщества и процессуют совместно. Согласно Циолковскому, процессы вселенной тяготеют к объединению и координации. В стремлении к единению (т. е., в сущности, в переходе от хаоса к космосу в его античном понимании) ученый видит очередное проявление монизма вселенной. «Объединяются клеточки низших существ, образуя животных с единым управлением (мозг-душа), объединяются люди в обществе, стремятся слиться в одно могущественное тело. Скоро должна объединиться так и вся Земля. Это объединение на иных планетах должно достигнуть высшего результата» [9, с. 41]. Выход в открытое космическое пространство — дело ближайших лет. Жизнь в своих совершенных формах будет распространена по всей вселенной. «Образуются союз ближайших солнц, союз союзов и т. д. Где предел этим союзам — трудно сказать, так как Вселенная бесконечна» [12, с. 462].

К. Э. Циолковский по многим признакам своего учения, а именно: панпсихизм, монизм вселенной на основе чувства, отсутствие жестких границ между живым и неживым, социальная природа организмов, тяга к совместности — может быть отнесен к процессуальным мыслителям. Однако даже среди космистов он выделяется особенно сильным оптимизмом. Это, скорее, несгибаемый неоптимизм, переходящий в утопическую веру — такие небывалые и смелые перспективы вычерчивает

Циолковский. Нет предела совершенству сообщества, как нет предела и для личного, индивидуального совершенства [12, с. 462]. Благодаря науке с неизбежностью будет искусственно преобразована как среда нашей жизни, так и сама жизнь, животные и человек. Все лишнее отсекается. Это неотвратимый и даже безжалостный эволюционный процесс.

При рассмотрении процессуального мышления нельзя обойти стороной фигуру гениального мыслителя-натуралиста *Владимира Ивановича Вернадского* (1863–1945). Великий ученый создал целый комплекс наук о Земле — от генетической минералогии до биогеохимии, радиогеологии, учения о биосфере.

Вернадский относится к тем редким ученым, которые активно осмысливают мировоззренческие и философские основания своей деятельности. Он полагает, что ученому невозможно абстрагироваться от философских предпосылок, поэтому задача ученого — критически отнестись к ним. Какая же философия, по мнению Вернадского, адекватна открытиям современных естественных наук? Ей оказывается философия процесса Уайтхеда и холистическая философия Смэтса [14, с. 181–182]. Иная философия не годится в качестве концептуальной рамки для деятельности ученого-натуралиста. Процессуальная и холистическая философия, согласно Вернадскому, отличается от иной философии тем, что за центральный факт принимает взаимосвязь организма с его средой, т. е. экологическое и процессуальное измерение организма.

Неудивительно, что именно процессуальная философия кажется Вернадскому наиболее перспективной и адекватной реальности. В философском отношении его учение о биосфере как особой геологической оболочке нашей планеты представляет собой способ мышления, в котором единицей исследования оказывается совокупность, сообщество, система организмов, а не отдельно взятый индивид [14, с. 157–158, 161]. Вернадский разделяет экологический взгляд на природу: живой организм и окружающая его среда неразрывно связаны [14, с. 13]. Биосфера, эта живая оболочка Земли, обладает своей организованностью, которая не есть механизм: «...она находится непрерывно в становлении, в движении всех ее самых мельчайших материальных и энергетических частиц» [14, с. 15]. Биосфера состоит из живого и неживого (косного) вещества. И хотя они «резко разделены по своему генезису и строению», тем не менее между ними есть «непрерывная, никогда не прекращающаяся связь, которая может быть выражена как непрерывный биогенный ток атомов из живого вещества в косное вещество и обратно» [14, с. 17]. Сама биосфера — это сложное, эволюционирующее «планетное биокосное природное тело» [14, с. 18]. Биосфера, в свою очередь, погружена в еще более широкую космическую среду: «...космическая

энергия... прежде всего лучеиспускание Солнца», поддерживает организованность и динамическое равновесие биосферы [14, с. 16].

Живое вещество по своей массе является лишь незначительной частью биосферы, однако именно оно играет ключевую роль в ее эволюции, развивает огромную свободную энергию. «Эволюционный процесс живых веществ... сказывается (и) на косных природных телах... Эволюция видов переходит в эволюцию биосферы» [14, с. 20]. Благодаря живым организмам эволюционируют почвы, воды, известняки и т. д.

Совокупность человечества, согласно Вернадскому, это очередное видовое живое вещество. Таким образом, человек — не исключительное существо, но органическая часть Вселенной. Появление человека — это «стихийный природный процесс, корни которого лежат глубоко и подготовлялись (длительным) эволюционным процессом» [14, с. 21]. Однако под влиянием эволюции данного вида, под воздействием «научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — *в ноосферу*» [14, с. 20]. Человек есть новая, «небывалая геологическая сила».

Будучи космоистом, Вернадский смотрит в будущее с оптимизмом. Он убежден в неуклонном прогрессе и развитии цивилизации посредством «перестройки биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [15, с. 241]. Человек преобразует природу, стремится расширить среду своей жизни — жаждет «выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет» [15, с. 242]. Поразительно, но даже в разгар Второй мировой войны Вернадский был убежден, что «мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере». «Можно, — заключает он, — смотреть на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» [15, с. 242].

Корнями оптимизм Вернадского уходит в его учение о биосфере. Те, кто говорит о «крушении цивилизации, о самоистреблении человечества», не изжили еще свои философские и религиозные предрассудки. На деле же ноосфера, научное знание, человеческий мозг — результат длительного геологического развития, продолжение биосферы. Поэтому ноосфера не может противоречить тому «геологическому процессу, созданием которого она является» [14, с. 21].

Представленные идеи делают Вернадского виднейшим представителем процессуального мышления. Мыслитель и сам определяет философию процесса Уайтхеда как наиболее перспективную для ученого, как философию, обеспечивающую целостное, организменное, системное видение реальности. Обратим внимание на еще один факт, свидетельствующий о родственном характере мышления Уайтхеда и Вернадского: философия процесса с онтологической стороны и биогеохимия в качестве научной перспективы выступают философской и научной

основой глубинного экологического мировоззрения и могут способствовать «решению глобальных экологических проблем современности» [16, p. 70; 17, с. 269].

В заключение отметим, что Уайтхед, хотя и является сторонником прогресса цивилизации, в отличие от космистов более сдержан в своих оценках. Уайтхед верит в то, что прогресс возможен. Однако «нет никаких гарантий, что человеческий род будет двигаться вперед. Он не может стоять на месте, но перед лицом огромных опасностей может прийти в упадок или даже разрушить себя» [18, p. 117].

Примечательна та двусмысленность и трансформация понятия «космос», с которой мы сталкиваемся у космистов. Они полагают, что человеческая деятельность не должна ограничиваться Землей. Прогресс человечества неразрывно связан с освоением и обживанием космического пространства. Понимание космоса, таким образом, изменяется. Да, от античного понимания остается интуиция целостности, упорядоченности и взаимосвязи сущего, а также эстетический компонент космического состояния в качестве идеала. Но отныне космос — это не ограниченный и замкнутый мир, каким его видит вся философия Античности. Космос теперь понимается как вселенная и ассоциируется, соответственно, с открытостью, разомкнутостью и бесконечностью. В античном миропонимании человек уже живет в космосе как замкнутой целостности. «Открытый космос» — это нечто невысказанное, если не бессмысленное. Но с точки зрения науки и философии начала XX в. в космос еще нужно выйти, попасть. Точнее, в него можно войти лишь при достижении должного состояния человечества. И в физическом смысле как космическое пространство, и в эстетическом смысле как согласованность и гармония частей организма, космос теперь — это перспектива. Однако парадокс состоит в том, что на сегодняшний день, освоив часть космического пространства, человечество не приблизилось, а, судя по опыту глобальных проблем, отдалилось от достижения космического и созидательного состояния здесь, на Земле. Всепоглощающая вера космистов в безусловный прогресс цивилизации влечет за собой фатальный риск деградации человечества, снижение степени этического, эстетического и экологического совершенства, космичности. На мой взгляд, сдержанная позиция Уайтхеда в этом отношении выглядит более взвешенной и перспективной.

Литература

1. Gragg, A. (1973), *Charles Hartshorne*. Chapter 2, Waco, Texas: WordBooks.
2. *Философия русского космизма* (1996), под ред. Огурцова, А. П., Фесенковой, Л. В., М.: Новое тысячелетие.

3. Уайтхед, А. Н. (1990), Наука и современный мир, в: *Избранные работы по философии*, М.: Прогресс, с. 56–271.
4. Whitehead, A. N. (1978), *Process and Reality*, New York: The Free Press; Correct Edition.
5. Чижевский, А. Л. (1993), Колыбель жизни и пульсы Вселенной, в: *Русский космизм: Антология философской мысли*, М.: Педагогика-Пресс, с. 317–327.
6. Уайтхед, А. Н. (1990), Приключения идей, в: *Избранные работы по философии*, М.: Прогресс, с. 389–702.
7. Whitehead, A. N. (1934), *Nature and Life*, Cambridge: Cambridge University Press.
8. Johnson, A. H. (Mar., 1969), Whitehead as Teacher and Philosopher, in: *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 29, no. 3, pp. 351–376.
9. Циолковский, К. Э. (2004), Панпсихизм, или Все чувствует, в: *Космическая философия: сб.*, М.: ИДЛи, с. 30–59.
10. Циолковский, К. Э. (2004.) Основные физические гипотезы, в: *Космическая философия: сб.*, М.: ИДЛи, с. 358–362.
11. Циолковский, К. Э. (2004), Споры о монизме, в: *Космическая философия: сб.*, М.: ИДЛи, с. 59–92.
12. Циолковский, К. Э. (2004), Космическая философия, в: *Космическая философия: сб.*, М.: ИДЛи, с. 457–470.
13. Циолковский, К. Э. (2004), Натуральные основы, в: *Космическая философия: сб.*, М.: ИДЛи, с. 363–368.
14. Вернадский, В. И. (1991), *Научная мысль как планетарное явление*, М.: Наука, С. 13–190.
15. Вернадский, В. И. (1991), Несколько слов о ноосфере, в: *Научная мысль как планетарное явление: прил.*, М.: Наука, с. 235–244.
16. Griffin, D. R. (2007), *Whitehead's Radically Different Postmodern Philosophy: An Argument for Its Contemporary Relevance*, Albany: State University of New York Press.
17. Декларация учредителей международного фонда В. И. Вернадского (1991), в: *Научная мысль как планетарное явление: прил.*, М.: Наука, с. 269.
18. Cobb, J. B. Jr., Griffin, D. R. (1976), *Process theology: An introductory explanation*, London: The Westminster Press.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 21 сентября 2022 г.

Контактная информация:

Бучнев Данила Владимирович — аспирант; buchnev-danila@mail.ru

Whiteheadian process thought and the philosophy of Russian cosmism

D. V. Buchnev

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Buchnev D. V. Whiteheadian process thought and the philosophy of Russian cosmism. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 384–400. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.125> (In Russian)

This article attempts to interpret the philosophy of Russian natural-scientific cosmism in terms of process thought. As the most developed version of this strategy of thinking,

Whitehead's process philosophy is considered. In the course of a comparative analysis of Whitehead's philosophy with the ideas of the Russian cosmists A. L. Chizhevsky, K. E. Tsiolkovsky and V. I. Vernadsky the ideological, conceptual and terminological proximity of cosmists to process philosophy, and hence process thought strategy is revealed. A number of key concepts of process philosophy that are discussed in the article: novelty, event, organism, emotional experience, prehension, concrescence. The comparative analysis of Whitehead's philosophy and the ideas of Russian cosmists based on the works of A. L. Chizhevsky, K. E. Tsiolkovsky and V. I. Vernadsky reveals the philosophical, conceptual and terminological similarity of the cosmists and process thought and, therefore, the process strategy of thinking. Referring to the poetic and scientific heritage of A. L. Chizhevsky, the authors find an outstanding example of a holistic worldview and an organicist attitude toward being. The central ideas of K. E. Tsiolkovsky are those of panpsychism, unification and community. Finally, it becomes known that V. I. Vernadsky pays close attention to the philosophical foundations of a naturalist scientist's work in his studies. It is noted that Whitehead's philosophy of process seems to him the most appropriate in this respect. Thus, organicism position; eco-oriented worldview; embedding man in the logic of nature; the priority of societies, nexus and relationships over individuals; ontology of holistic (cosmic) vision of reality; panpsychism; aestheticization of the cosmological process — these and other facets of process thought in the works of the cosmists make it possible to classify Russian natural-scientific cosmism as a processual mode of thought.

Keywords: process thought, A. N. Whitehead, Russian cosmists, organism, A. L. Chizhevsky, K. E. Tsiolkovsky, V. I. Vernadsky.

References

1. Gragg, A. (1973), *Charles Hartshorne*. Chapter 2, Waco, Texas: Word Books.
2. *Philosophy of Russian cosmism*. (1996), Ogurtsova, A. P., Fesenkova, L. V. (ed.), Moscow: Novoe tysiacheletie Publ. (In Russian)
3. Whitehead, A. N. (1990), Science and the Modern World, in: *Izbrannye raboty po filosofii*, Moscow: Progress Publ., pp. 56–271. (In Russian)
4. Whitehead, A. N. (1978), *Process and Reality*, New York: The Free Press, Correct Edition.
5. Chizhevsky, A. L. (1993), Cradle of Life and Pulses of the Universe, in: *Russkii kosmizm: antologiya filosofskoi mysli*, Moscow: Pedagogika-Press, pp. 317–327. (In Russian)
6. Whitehead, A. N. (1990), Adventures of Ideas, in: *Izbrannye raboty po filosofii*, Moscow: Progress Publ., pp. 389–702. (In Russian)
7. Whitehead, A. N. (1934), *Nature and Life*, Cambridge: Cambridge University Press.
8. Johnson, A. H. (Mar., 1969), Whitehead as Teacher and Philosopher, *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 29, no. 3, pp. 351–376.
9. Tsiolkovsky, K. E. (2004), Panpsychism, or Everything Feels, in: *Kosmicheskaia filosofia: sbornik*, Moscow: IDLi Publ., pp. 30–59. (In Russian)
10. Tsiolkovsky, K. E. (2004), The main philosophical hypotheses, in: *Kosmicheskaia filosofia: sbornik*, Moscow: IDLi Publ., pp. 358–362. (In Russian)
11. Tsiolkovsky, K. E. (2004), Monism controversy, in: *Kosmicheskaia filosofia: sbornik*, Moscow: IDLi Publ., pp. 59–92. (In Russian)
12. Tsiolkovsky, K. E. (2004), The Cosmic Philosophy, in: *Kosmicheskaia filosofia: sbornik*, Moscow: IDLi Publ., pp. 457–470. (In Russian)

13. Tsiolkovsky, K. E. (2004), The Natural Bases, in: *Kosmicheskaia filosofia*: sbornik, Moscow: IDLiPubl., pp. 363–368. (In Russian)
14. Vernadsky, V. I. (1991), *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*, Moscow: Nauka Publ., pp. 13–190. (In Russian)
15. Vernadsky, V. I. (1991), Some Words about the Noosphere, in: *Nauchnaia mysl' kak planetarnoe iavlenie*: prilozhenie. Moscow: Nauka Publ. pp. 235–244. (In Russian)
16. Griffin, D. R. (2007), *Whitehead's Radically Different Postmodern Philosophy: An Argument for Its Contemporary Relevance*, Albany: State University of New York Press.
17. Declaration of the founders of the international fund V. I. Vernadsky (1991), in: *Nauchnaia mysl' kak planetarnoe iavlenie*: prilozhenie, Moscow: Nauka Publ., pp. 269. (In Russian)
18. Cobb, J. B. Jr., Griffin, D. R. (1976), *Process theology: An introductory explanation*, London: The Westminster Press.

Received: September 12, 2022

Accepted: September 21, 2022

Author's information:

Danila V. Buchnev — Postgraduate Student; buchnev-danila@mail.ru